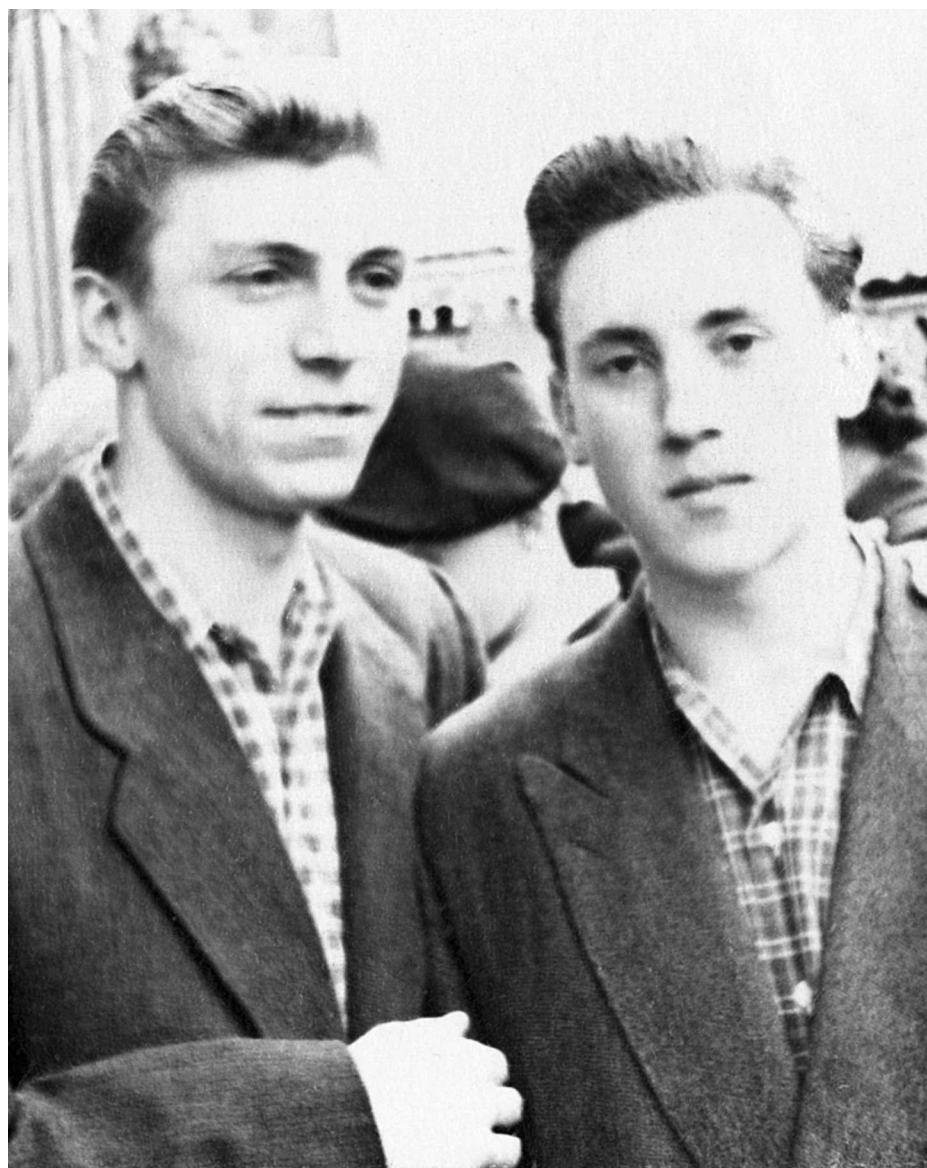

**КАРТИНА
ВРЕМЕНИ**

ИГОРЬ
КОХАНОВСКИЙ

«КОЛЬ
ДОЖИТЬ
НЕ
УСПЕЛ...»

ВОСПОМИНАНИЯ
О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 792.071:929(470)

ББК 85.334.3(2)-8

К75

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

В оформлении обложки использованы фотографии:
передняя сторона – Александр Гращенков / PhotoXPress /
EastNews, 4 сторона – Валерий Левитин / РИА Новости
предоставлены фотоагентством EAST NEWS Russia
и ФГУП МИА «Россия сегодня».

В оформлении издания также были использованы фотографии
Валерия Плотникова, Генриэтты Перьян, Александра Стернина и др.

Издательство выражает особую благодарность
Игорю Кохановскому за фото из личного архива.

Кохановский, Игорь Васильевич.

К75 «Коль дожить не успел...» Воспоминания о Владимире
Высоцком / Игорь Кохановский – Москва: Издательство
АСТ, 2024. – 224 с. (ил.) – (Картина времени).

ISBN 978-5-17-162221-3

Игорь Кохановский – известный поэт и журналист, автор много-
численных эстрадных хитов 60–80-х годов и близкий друг Владимира
Высоцкого, научивший всеосознано любимого барда первым аккордам
игры на гитаре.

В этой книге собраны не только воспоминания Игоря Кохановского,
но и его стихи и поэмы разных лет, в том числе и неопубликованные,
посвященные Владимиру Высоцкому после его раннего, трагического
ухода из жизни.

УДК 792.071:929(470)

ББК 85.334.3(2)-8

ISBN 978-5-17-162221-3

© Кохановский И. В., текст, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Начало	7
Серебряные струны	37
Post scriptum	187
Эпилог	222

© Фото Валерия Плотникова

НАЧАЛО

Случай – псевдоним Бога.

Анатолий Франс

Весна 1961 года. Меня недавно перевели работать в Москву, а до этого я после окончания института трудился прорабом на строительстве газового кольца вокруг Москвы радиусом в 200 км и приезжал в домой только в субботу, чтобы в понедельник опять отправиться в ту деревню, где в это время кипел фронт работ по созиданию этого самого кольца. Дело в том, что Москва снабжалась ростовским газом, который оказался очень содержательным по своим компонентам для химической промышленности, а потому ей решили отдать этот ростовский газ, а не сжигать его в квартирах на бытовых горелках, а столицу перевести на газ ставропольский.

Таким образом, я опять оказался в своем любимом городе, в нашей закадычной компании, которая сложилась еще со школы. Собирались мы тогда в квартире Володи Акимова, вернее, в его большой 40-метровой комнате. Хотя до революции квартира полностью принадлежала отцу Володи, по тому времени крупному инженеру, достаточно состоятельному, чтобы иметь подобные апартаменты, где имелись еще две большие комнаты и просторная ванная.

Однако после революции «буржуев» уплотнили, и в Володиной квартире отныне проживало еще две семьи. Но все-таки самая большая комната осталась за хозяином этой квартиры, который умер, когда Володя был совсем маленьким. Когда же Акимов учился в девятом классе, умерла и его матушка. После смерти мужа она вышла замуж, но отношения с дядей Пашей (так звали отчима) у Володи не сложились, он остался один и всегда был рад, когда мы, друзья, собирались у него на нашу очередную скромную пирушку...

Я не виделся с ним почти год и вот решил заехать навестить товарища, зная, что за время моего отсутствия в Москве он женился на весьма красивой девушке Ирине, познакомившись с ней в ГУМе, где та работала продавцом.

Приехав, я застал кроме приятеля и его жены еще одну гостью — старшую сестру Ирины Татьяну, заглянувшую к ней по каким-то семейным делам. Она была тоже недурна собой, правда, на мой взгляд, уступая в красоте своей младшей сестре. Но чем-то она меня зацепила...

Посидели, поболтали о том о сем и разошлись. Я взял у Тани ее телефон и на следующий день позвонил ей, пригласив поужинать в кафе. Она согласилась.

Мы встретились, и... Тут мне вспоминается начальный куплет одной из песен Высоцкого:

О нашей встрече что и говорить...
Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий...
Но мы с тобою сразу стали жить,
Не опасаясь пагубных последствий...

Так начался наш роман. Она была двумя годами старше меня, окончила Педагогический институт и преподавала литературу в каком-то техникуме. Очень любила читать, книгами была завалена вся ее небольшая комната.

Жила она со своей мамашей в двухкомнатной квартире, где у нее была собственная комната, и, что греха таить, нам было где уединиться...

Когда я признался, что пишу стихи, она попросила меня хоть что-то ей прочесть. Я прочел, хотя уже не помню, что именно.

– Недурно, – услышал ее оценку. Помолчав, спросила: – А как ты относишься к Евтушенко?

– Никак. Мне кажется, у него не все в порядке со вкусом...

– А к Вознесенскому?

– А кто это?

– Ты не знаешь, кто такой Андрей Вознесенский? – удивленно вскинула она брови.

– Понятия не имею, – чистосердечно признался я.

– Ну и темный ты человек!.. Это сейчас – самый модный поэт! – И она показала мне скромную книжечку под названием «Мозаика». – Вот, почитай.

Едва раскрыв этот скромный сборник, я сразу понял: это мой поэт!

А вскоре Таня подарила мне эту книжку, так как купила себе такую же благодаря знакомой продавщице в книжном магазине на Кузнецком мосту, достававшей тогда весь модный книжный дефицит. А вскоре подарила мне и новый сборник Вознесенского «Парабола». Я зачитывался его стихами, зная уже многие из них наизусть.

Как-то я позвонил Тане, и она сказала:

– Приходи ко мне вечером, у меня в гостях будут поэты.

Я пришел. Она познакомила меня со своими гостями. Ими были Виктор Забелышинский и Всеволод Ревич. Сидели, выпивали, вели разговоры на близкие нам литературные темы. А главные и самые острые из них задавали в то время журналы «Новый мир» и «Юность». Вдруг Таня сказала:

– Ребята, почитайте стихи...

Начал Забелышинский, после – Ревич. Затем Таня посмотрела на меня:

– Игорь, твоя очередь...

Я стушевался, не зная, что прочесть, но наконец сподобился:

У театральной кассы
 Переживаний масса,
 У театральных асов
 Унылые гримасы:
 Билетов не имеется,
 И не на что надеяться,
 Обидно, разумеется, —
 Танцуют моисеевцы...

...Как будто чуть степенно,
Едва касаясь сцены,
Выходит пляска-скромница
Со зрителем знакомиться...
А только познакомятся,
Так сразу же освоится,
И вот, не дав опомниться,
Потянет за околицу,
А там девчата с парнями
На круг выходят парами,
Как будто в быстром танце
Хотят посостязаться...

Ах, звонкая гармошка,
Да легкие сапожки,
Да юбки, юбки, юбки,
Да шутки-прибаутки,
Да огненная пляска,
Лихая, залихватская,
С лукавыми улыбками,
Да с посвистом, да с криками,
Да с замираньем сердца
В отчаянных коленцах,
Да с вихревою музыкой,
Да с дрожью в каждом мускуле...

Отплясывают здорово,
По-своему, по-новому,
Пылают юбок польмя
На все четыре стороны...

...И стены уж не стены,
И сцена уж не сцена,
А луг зеленый, бархатный,
Вокруг поля и пахоты,
С долинами, низинами,
И небо сине-синее...

– Очень лихо, – сказал Виктор.

– Да, здорово, – подхватил Всеволод.

– Приходи к нам в «Магистраль»*, – продолжил Виктор.

– А это что такое?

– Ты не слышал про литобъединение «Магистраль»? Да это же самое знаменитое литобъединение в Москве. Из него вышли Булат Окуджава и Владимир Войнович. Ты что-то об этом слышал? – продолжил Забелышинский.

– Нет, впервые от тебя... А где оно находится? – спросил я, постигая свою полную неосведомленность в литературной жизни столицы.

– У трех вокзалов, в Центральном доме культуры железнодорожников. Руководит им поэт Григорий Михайлович Левин**. Собираемся по четвергам в семь часов вечера. Приходи, я тебя представлю...

– Спасибо, Виктор, непременно приду...

---

* Литературное объединение «Магистраль» – клуб-студия, где в 50–60-х годах собирались многие известные советские писатели и поэты.

** Григорий Михайлович Левин – русский советский поэт, литературный педагог, создатель и руководитель литературного объединения «Магистраль».

Я считал дни до четверга и ужасно волновался. К назначенному часу приехал, встретив там Виктора, познакомившего меня с Григорием Михайловичем. Тот сказал, что я сегодня могу поприсутствовать в качестве вольного слушателя, а после занятия я должен почитать свои стихи, дабы он и его «бюро» меня выслушали и решили вопрос о моем приеме в лит-объединение.

По окончании занятий, когда в аудитории осталось несколько человек, Левин предложил мне почитать мои стихи. Первые два стихотворения не произвели, как мне показалось, на него никакого впечатления. И тогда я прочитал стихи «Скрипка», посвященные Белле Ахмадулиной. Это и по сей день одно из любимых моих стихотворений:

Что в этих звуках было скрыто,
Таких земных и неземных?
Была зима, и пела скрипка,
Не замечавшая зимы.

А город спал. Кружила нудно
Метель по улицам волчком,
И откровенничали струны,
Раскрепощенные смычком.

Метель слепила, словно пена,
Не видно было в двух шагах,
А скрипка пела, пела, пела
И ворожила, как шаман.